

## **Раздел 2. Частные проблемы психологии экстремизма**

### **Глава 3. Психология личности экстремиста**

#### **3.1. Содержание эмоциональных переживаний экстремиста.**

#### **3.2. Религиозно-политический экстремизм как особый способ поведения.**

#### **3.3. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму.**

#### **3.4. Механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму.**

#### **3.5. Архетип «чужой» и его криминогенная роль.**

#### **3.1. Содержание эмоциональных переживаний экстремиста.**

Базовой эмоцией религиозного экстремиста является, очевидно, страх. Страх религиозного экстремиста вызван несоответствием действительности его представлениям и жгучим желанием такого соответствия, сопровождаемым предположением о том, что мир враждебен этим представлениям и люди будут агрессивно бороться против попыток навязать им экстремистские идеалы и изменить мир в соответствии с этими идеалами. Страх рождает эмоции презрения и отвращения, гнева по отношению к «нехорошей» действительности и людям, которые не разделяют идеалов религиозного экстремиста и сопротивляются им.

Откуда же черпает экстремист позитивные эмоции? Как это ни парадоксально, он берет их в самих негативных эмоциях. Ненависть к миру приносит ему извращенную радость и наслаждение. Разрушительные негативные процессы в этом мире доставляют ему высшее наслаждение. Борьба с врагами и сами враги кроме ненависти вызывают еще и удовольствие, и если бы они исчезли, исчезло бы извращенное удовольствие экстремиста. Это извращенная форма радости с перевернутой в отличие от психической нормы модальностью и извращенная амбивалентность эмоциональных состояний экстремиста. Только причиняя ущерб враждебному миру, нанося страдания врагам или, наконец, испытывая страдания в борьбе за религиозную экстремистскую идею, экстремист удовлетворяет свою потребность в положительных эмоциях.

Итак, гамма эмоциональных переживаний экстремиста выстраивается в своеобразную генетическую последовательность: страх рождает отвращение и презрение, которые вызывают гнев, и через проявление в экстремистских действиях эти эмоции превращаются в извращенную радость и удовольствие экстремиста.

В системе чувств экстремиста можно выделить четыре основных чувства: любовь к своей религиозной идее, которой экстремист предан безраздельно; любовь к самому себе как правоверному носителю и исповеднику высшей истины – экстремистской идеи; ненависть к иноверцам, вероотступникам и неверующим, не разделяющим экстремистской идеи, которые выступают как принципиальные враги (независимо от того, как они

сами относятся к экстремисту); ненависть к существующему испорченному миру, поскольку он противоречит экстремистским религиозным идеалам.

Говоря о специфике религиозно-политических эмоциональных переживаний экстремиста, мы должны отметить две их парадоксальные особенности. Во-первых, по сути чувства экстремиста являются безличными или бесчеловечными, ибо они в действительности направлены не на конкретных людей как личностей, а на лиц вообще, как носителей определенных социальных функций. Даже любовь к себе у экстремиста есть любовь не к своей личности, а любовь к себе как к функционеру, исполнителю экстремистской религиозно-политической идеи. В чувствах экстремиста личностный момент предельно минимизирован. Отсюда крайняя жесткость экстремиста, которому совершенно безразличны переживания других людей, и даже моменты своих собственных

сугубо личностных переживаний он старается подавить в себе. Во-вторых, религиозно-политические чувства экстремиста внутренне лицемерны и поэтому нарочито экзальтированы и демонстративны. Экстремисты как бы сами себя подогревают или заводят именно потому, что за демонстрацией сильных эмоций скрываются их внутренняя деструктивность и пустота как результат их безличности. Безличность эмоциональных переживаний разрушительно действует на психику самого верующего и лишь в малой степени компенсируется искусственной напряженностью и демонстративностью. Большую роль в динамике эмоциональных переживаний экстремиста играют самые сильные эмоциональные переживания – аффекты. Причем следует заметить, что в отличие от обычных аффектов, вызываемых случайными жизненными ситуациями, у экстремиста это нередко сознательно индуцируемые, спланированные или идейные аффекты. Как наркоман нуждается в систематическом принятии наркотических средств, так и экстремист нуждается в периодическом переживании сильных аффективных состояний, которые позволяют ему временно снизить напряженность эмоционального переживания.

Центральная роль в формировании экстремистских эмоциональных переживаний принадлежит не генетическим порокам нервной системы, не органическим поражениям высшей нервной деятельности, а формированию у верующего в определенной неблагоприятной социальной среде в процессе социального воспитания экстремистской направленности личности и, прежде всего, экстремистских убеждений. Именно экстремистская направленность личности ведет к радикальной и болезненной перестройке эмоциональной жизни экстремиста.

Рассматривая эмоциональную жизнь экстремиста, мы должны обратить внимание и на различную ее интенсивность для разных членов экстремистского религиозно-политического сообщества. Эмоциональные переживания вождей такого сообщества должны быть достаточно сильными, чтобы «увлечь», «зажечь», «заразить» рядовых членов, овладеть их психикой. Технические функционеры – организаторы экстремистского сообщества, как это ни парадоксально, могут вообще не испытывать специфических

экстремистских эмоций, а лишь имитировать их. Во всяком случае, сила этих эмоций должна быть достаточно низкой, иначе они бы не смогли эффективно исполнять свои технически организаторские функции. Для рядовых членов экстремистского религиозно-политического сообщества сильные экстремистские эмоции являются эпизодическим кратковременным всплеском, спровоцированным либо вождями, либо чрезвычайными событиями. И это спасает их от угрозы серьезного психического отклонения, хотя в момент переживания экстремистского аффекта массы рядовых экстремистов как бы временно становятся психически ненормальными. Для элиты экстремистского религиозно-политического сообщества, состоящей из ближайших идейных соратников вождя, необходимы сильные экстремистские эмоциональные переживания, поскольку они играют роль передаточного звена эмоционально-идеологического воздействия экстремистского заряда идей и эмоций от вождя к рядовым верующим. Наконец, экстремистский теоретик-пророк, создатель экстремистской идеологии может не испытывать сильных эмоциональных чувств, поскольку они мешают систематическому теоретическому мышлению, но обязательно должен обладать набором сверхценных идей или мировоззренческих ценностей, направляющих его мысль.

Итак, экстремистское религиозно-политическое сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет религиозную веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается экстремист. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности.

Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

### **3.2. Религиозно-политический экстремизм как особый способ поведения**

Экстремистская направленность личности в структуре психического склада верующего необходимо сочетается со специфическими эмоциональными переживаниями и находит внешнее проявление в специфическом религиозном поведении экстремиста. Таким образом, поведение следует рассматривать в качестве третьего необходимого элемента религиозного экстремизма как особого психического склада верующего. Если обратиться к литературе, то набор типичных действий религиозного экстремиста окажется достаточно широк, но все эти действия можно разделить на две группы: 1) действия, направленные на причинение вреда и страданий

другим людям, «врагам» и «враждебной среде» (внешняя агрессия); 2) действия, направленные на причинение вреда и страданий самому себе или своим единомышленникам (внутренняя агрессия).

Первое, что бросается в глаза при оценке поведения религиозного экстремиста, – это агрессивность. Действительно, агрессивность – самая яркая черта поведения экстремиста, которая отмечается всеми исследователями. Но важно правильно понять природу агрессивности.

Человеческая агрессия рождается в определенной социальной среде, которая и определяет страсти и характер, т.е. направленность личности верующего. Изначальные мотивы религиозно-политического поведения экстремиста лежат в ситуации социальной фрустрации, когда наличная социальная система такова, что не позволяет человеку реализовать свои витальные, базовые или социальные потребности, осознаваемые как норма. Норма эта социально и исторически относительна. Представление верующего, входящего в определенную конфессиональную общность, о норме связано также со степенью разрыва между богатейшими и беднейшими слоями населения. Чем выше социальный разрыв, тем ниже средней социальной нормы оказывается беднейшее население.

Эти фрустрационные мотивы, эмоции и сама ситуация получают идеологическое выражение и осознание в иллюзорной экстремистской религиозно-политической идеологии, создаваемой теоретиками. А затем эта идеология тем или иным способом проникает в готовые к ее восприятию массы верующих. Таким образом, первоначальная еще не специфически экстремистская, а просто реактивно-психологическая оборонительная мотивация религиозно-политической агрессии превращается в специфически экстремистскую, идеологически мотивированную агрессию. Фрустрационная мотивация рождает экстремистскую идеологию как инструментальную цель агрессии, а экстремистская идеология становится доминирующим мотивом, происходит ориентация мотива на цель или превращение реактивной религиозно-политической агрессии в инструментальную.

Мотивы экстремистского религиозно-политического поведения, во-первых, идеологичны; во-вторых, крайне интенсивны, благодаря чему они придают всем действиям экстремиста особую «ярость», ожесточенность, деструктивную одержимость, интенсивность. Доминирующим мотивом поведения экстремиста является радикальное изменение социальной среды в соответствии с его религиозно-политическими идеалами, которые могут принимать разную форму и могут выражаться в разных теоретических модусах (от более или менее разработанной теории до набора простых лозунгов). Главным объектом экстремистской религиозно-политической агрессии является неприемлемая социальная среда, существующая социально-политическая система. Но, поскольку эта неприемлемая для экстремиста социальная среда воплощена, прежде всего, в людях и социальных институтах (властных институтах) как носителях определенных социальных отношений (не соответствующих экстремистским идеалам) и определенной идеологии (не экстремистской), то и акцент экстремистской агрессии направляется на

социальные институты и людей, не разделяющих экстремистской религиозно-политической идеологии.

Итак, доминирующим мотивом религиозно-политического поведения экстремиста является социальная агрессивность, активное стремление к разрушению существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Этот мотив подсознательно или сознательно маскируется экстремистом конструктивным мотивом созидания «правильного общества». Но, прежде чем строить правильное общество, нужно разрушить существующее, поэтому конструктивная мотивация не играет никакой роли в реальном поведении экстремиста. Таким образом, в религиозно-политическом поведении экстремиста происходит или, по крайней мере, наблюдается тенденция сдвига конструктивной цели созидания правильного, идеального мира на деструктивную цель разрушения неправильного, но реально существующего социального порядка. Деструктивная цель постепенно превращается в главную, доминирующую и единственную цель экстремиста. Мы можем определить экстремистскую религиозно-политическую агрессивность как особый вид агрессивности, возникающий в обществе в исключительных социальных обстоятельствах, блокирующих реализацию базовых витальных потребностей верующего и нормальных возможностей его самореализации, как иллюзорно-идеологическую, реактивно-инструментальную по своим механизмам и содержанию и деструктивную по своим внешним проявлениям и социальным результатам форму религиозно-политического поведения.

Хладнокровный расчет экстремиста предшествует религиозно-политическому действию. Он основан на тщательном анализе и учете социальной ситуации, а также лиц, с которыми придется столкнуться экстремисту в своем действии.

Общие особенности экстремистских действий: одержимость, жесткость и деструктивность. Одержимость в том, что экстремист не останавливается ни перед какими внешними и внутренними преградами, упорно и неуклонно устремляясь к своей цели. Анализ психологии экстремизма обнаруживает такие характеристики, как неистовость поведения, готовность для достижения цели жертвовать всем и использовать любые средства в сочетании с узостью и ограниченностью восприятия мира. Жесткость проявляется в том, что в этих действиях обязательно присутствуют насилие и страдания, причиняемые людям. Но для экстремиста эти страдания не имеют никакого значения, причем ни свои, ни чужие. Деструктивность состоит в том, что эти действия всегда преследуют одну цель – разрушить существующий социальный порядок. Действия экстремиста можно разделить на две большие группы в зависимости от способа борьбы с существующим социальным порядком или способа его разрушения, преодоления: активная деструктивная агрессия и пассивная деструктивная агрессия. К первой группе относится экстремистский террор, начиная от морально-психологического и вербального запугивания и зомбирования до физической деструкции. В этих формах агрессии деструктивная цель явно доминирует, а конструктивная цель

практически сведена на нет. Крайней формой экстремистской активной религиозно-политической агрессии оказывается массовый геноцид. К формам пассивной деструктивной агрессии относятся различные способы социальной самоизоляции экстремистов (от индивидуального и коллективного отшельничества до самоистязаний).

Подводя итог анализу экстремистского религиозно-политического поведения, мы можем видеть: в мотивах экстремиста – социально-идеологическую иллюзорность и агрессивность; в целях – иллюзорность и деструктивность; в действиях – иллюзорность и деструктивность, соединенные с извращенной иллюзорной расчетливостью; в результатах – иллюзорность и деструктивность (как для мира и окружающих людей, так и для самого экстремиста, его личности); в самооценке результатов своих действий – не критичность и иллюзорность.

В основе экстремистского религиозно-политического действия лежат ложные мотивы и ложные установки, поэтому оно по своему объективному содержанию субстанционально иррационально, в нем цели не соответствуют средствам, а результаты действиям. Оно иллюзорно внешне, но формально рационально, ибо экстремист, во-первых, внушает себе его высшую рациональность, во-вторых, рассчитывает свое действие, его порядок и условия. В экстремистском религиозно-политическом безумии есть система. Конфликт между субстанциональной иррациональностью и формальной рациональностью экстремистского действия ведет к эмоциональному напряжению, и часто экстремистское действие требует эмоциональной подпитки, энергии аффекта. Но это не слепой, а идейный аффект, искусственно индуцируемый самим собой или соратниками фанатичного экстремиста.

Итак, экстремистское религиозно-политическое поведение, основанное на принципе нетерпимого отношения к «инаковости», является силой, способной играть существенную роль в жизнедеятельности общества, в формировании тех или иных социальных отношений. Оно базируется: во-первых, на наличии социальных ценностей и установок, которые вытекают из рассмотрения других как «чужаков», потенциальных врагов или конкурентов, т.е. предполагают формирование взаимного недоверия и неприятия в межличностном пространстве, дегуманизацию общественной жизни; во-вторых, на отсутствии ориентации на поиск взаимопонимания, сотрудничества и разумных компромиссов, неприятию стремления большинства к утверждению таких форм жизни, которые обеспечивали бы уважение основных прав и свобод человека; в-третьих, на отсутствии правовых основ свободы, неотделимой от равноправия всех организаций перед законом. Экстремистское религиозно-политическое поведение, основанное на экстремистской идеологии и экстремистских переживаниях, характеризуется следующими особенностями: 1) агрессивная самозащита или защита путем агрессии, 2) «активная религиозная жизненная позиция», 3) нравственная вседозволенность в сочетании с нравственно-религиозным

ригоризмом, смещение нравственных ориентиров (или нравственная дезориентация), 4) крайняя жестокость.

Нравственная вседозволенность, снятие всяких нравственных запретов и ограничений в религиозно-политическом сознании и поведении экстремиста существует по отношению к «чужим», к врагам. По отношению к «своим» и к самому себе, экстремист придерживается строжайшего, ригористического соблюдения нравственных установлений истинной веры. Такая нравственная амбивалентность, противоречивая двойственность, в поведении экстремиста ведет к нравственной дезориентации. Для экстремиста зло, причиняемое врагам, становится добром, стирается граница между добром и злом, сами эти нравственные категории становятся условными. При такой нравственной дезориентации экстремист во имя истинной веры оказывается способен на любые экстремальные действия: убийства, похищения, издевательства, пытки, взрывы различных зданий и сооружений и т.п.

В результате для религиозно-политического поведения экстремиста становится характерной определенная бесчувственность, жестокость, беспощадность, доходящая до способности самопожертвования своей жизнью ради уничтожения врагов истинной веры.

### **3.3. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму**

Оценка личности и деятельности террориста очень сильно зависит от того, кто именно эту оценку дает – единомышленники или противники. В первом случае поведение, связанное с самопожертвованием ради достижения каких-либо идеологических целей оценивается как героически-жертвенное, а во втором как безумно-бредовое. Оценка в конечном счете зависит от того, каких идейных принципов придерживается оценивающий, но внешний рисунок оцениваемого поведения и его мотивационная основа остаются одинаковыми.

Обсуждение того, какие акции следует признать террористическими, а какие героическими, увело бы нас далеко в сторону от задачи исследования психологической природы терроризма, экстремизма и ксенофобии. К ее решению нас скорее приблизит следующее предположение: в современном мире все более распространенными и приемлемыми как на бытовом, так и на государственном уровне становятся идеи плюрализма, терпимости и толерантности, но принимаются они отнюдь не всеми. Государство, по крайней мере на уровне деклараций, все чаще отказывается от функции силового поддержания идейного единства граждан, но эту функцию присваивают себе отдельные лица или группы лиц. Поэтому вопрос, касающийся психологической природы экстремизма, терроризма и ксенофобии, звучит следующим образом: почему отдельные лица не могут допустить параллельного существования взглядов, воззрений, ценностей и уклада жизни, отличающихся от их собственных? Что составляет эмоциональную основу для неослабевающего чувства ненависти к

неизвестным людям? Раскрытие этих механизмов чрезвычайно важно для действительно глубокого понимания природы изучаемых явлений.

Начать психологический анализ этих явлений можно с анализа первой точки шкалы – ксенофобии. Если попытаться выяснять, какие же чувства переживает ксенофобическая личность при контакте с лицами других национальностей, проявится целый спектр отрицательных эмоций: чувства собственного превосходства, агрессии, зависти и страха. Объяснения ксенофобов, что вызывает подобные эмоции, обычно неубедительны. Приводятся примеры неблагоприятного поведения и отрицательных характерологических черт людей другой национальности, хотя объясняющий подчас сам понимает, что подобные описания с таким же успехом могут быть отнесены и к представителям его собственной нации. Иногда объяснений как таковых вообще не бывает, а говорится о том, что не нравятся особенности внешнего вида – цвет кожи, волос, черты лица людей другой нации.

Первая отличительная особенность этих описаний – резкое противопоставление себя и другого. Человек другой национальности воспринимается как отличающийся по поведению, чувствам, личностным характеристикам, жизненным ценностям, внешнему виду, даже если объективные факты свидетельствуют об обратном. Второй особенностью является то, что различия оцениваются как отрицательная характеристика: все непохожее вызывает подозрение и воспринимается как таящее угрозу. Таким образом, базовые переживания при ксенофобии – страх или тревога. Можно сделать вывод, что при ксенофобии существуют низкая устойчивость к неопределенности и низкий порог возникновения тревоги, то есть ксенофобам свойственна высокая тревожность.

Противоположным ксенофобии качеством является толерантность – терпимость или устойчивость к особенностям других людей. В этом случае отличие не воспринимается как таящее угрозу, напротив, наличие чего-то неизвестного даже вызывает интерес. Для толерантности характерным оказывается высокий порог возникновения тревоги.

Высокая тревожность или низкая устойчивость к неопределенности ксенофобов будет порождать связанные с ней специфические качества. Как ограничители неопределенности выступают правила, следование им снижает тревожность, так как делает ситуацию более предсказуемой. Поэтому можно предположить, что для ксенофобов, например, будут характерны стремление следовать правилам и жесткая внутренняя система оценок, то есть ригидность.

В когнитивной сфере этому соответствует полярность в мышлении. Так как правила психологически тесно связаны с авторитетами – фактически авторитеты являются человеческим «воплощением» правил, можно предположить, что отношение к авторитетам у ксенофобов должно быть крайне аффективно заряженным: либо резко положительным, либо столь же резко отрицательным. Такое отношение согласуется с наличием уже упоминавшейся полярности в мышлении. Полярность будет распространяться также на аффективную сферу в целом: положительное отношение превращается в восхищение, фанатизм и нерассуждающую преданность,

вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью, отрицательное – в ненависть и агрессию, вплоть до готовности лишить жизни другого.

Очевидно также, что низкая устойчивость к неопределенности станет проявляться не только по отношению к людям, но и по отношению к жизненным ситуациям или миру в целом. Если продолжить сравнение ксенофобии и толерантности, можно описать их как два разных способа восприятия мира: в первом случае он воспринимается как неизвестный и потому угрожающий, во втором – как неизвестный и потому интересный. Таким образом, ксенофобию можно рассматривать как частное проявление более общего отношения человека к окружающему миру как к угрожающему. Данное отношение в глубинной психологии обозначается как параноидное.

Такой трактовки ксенофобии придерживаются и некоторые зарубежные исследователи, в частности В. Волкан<sup>1</sup>. Он также считает, что параноидный радикал является базовым не только для ксенофобов, но и для террористов.

Следует подчеркнуть, что используемый в обыденном языке термин «параноидный» не полностью совпадает по своему значению с соответствующим понятием глубинной психологии. В обыденном языке слово «параноидный» используется для описания человека, которому кажется, что он подвергается преследованию и недоброжелательному отношению со стороны других людей. В психоанализе этот термин используется для обозначения такой структуры личности, при которой преобладающими психологическими защитами являются проекция и отрицание.<sup>2</sup>

В психоаналитическом подходе именно психологические защиты считаются тем стержнем, вокруг которого выстраиваются личностные характеристики индивида. Они задают внутреннее единство и логику устройства личности в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфере.<sup>3</sup>

Основные защиты, свойственные параноидной личности, – это проекция и отрицание. Они считаются примитивными, или архаическими, защитами, то есть очень рано возникающими в онтогенезе. В связи с ранним временем их возникновения, когда когнитивный аппарат ребенка еще не совершенен, они устроены просто и существенно искажают восприятие реальности. Их возникновение относят ко времени, когда ребенок еще не обладает ясным представлением о внутренних и внешних событиях и выделение себя из среды только начинается.

Проекция означает приписывание своих качеств, прежде всего негативных, другим людям или окружающим предметам. Она рассматривается как аналог выплевывания несъедобного: ребенку не нравится

---

<sup>1</sup> Решетников М.М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Материалы 1-й Всероссийской конференции. СПб., 2004. С. 37–64.

<sup>2</sup> См.: Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. М., 2006.

<sup>3</sup> См.: Там же.

вкус чего-то, и он избавляется от неприятных переживаний, удаляя это нечто изо рта. Таким образом, что-то неприятное существует уже не внутри, а снаружи.

Отрицание как отказ признавать существование чего-то неприятного аналогично закрытию глаз. Для маленького ребенка предмет, исчезающий из поля зрения, перестает существовать. На таком восприятии реальности построены игры малыша, когда он закрывает лицо руками и считает, что таким образом спрятался: раз он не видит окружающих, значит и они его не видят. Подобные закономерности когнитивной сферы младенца, убедительно описанные Ж. Пиаже, характерны для этапа сенсомоторного интеллекта, то есть для возраста не старше двух лет. Таким образом, проекция и отрицание формируются в младенчестве и раннем детстве.

В более зрелом возрасте проекция – это приписывание тех качеств, которые воспринимаются индивидом как негативные, другим людям и отрицание их наличия у себя. Приписанные другим людям гнев, зависть, недоброжелательность и тому подобные чувства в дальнейшем начинают рассматриваться как внешняя угроза. Отрицание же их у себя может приводить к ощущению собственного величия и значимости.

Если рассматривать ксенофобию как разновидность параноидной личности и считать, что для нее также характерны проекция и отрицание как центральные защиты, становятся понятными чувства и поведение ксенофобов по отношению к людям другой национальности. Недоброжелательность в данном случае объясняется тем, что они заслуживают плохого отношения, так как обладают плохими качествами; агрессия вызывается ощущением, что они являются источником угрозы и поэтому их надо уничтожить или, по крайней мере, удалить на безопасное расстояние; чувство собственного превосходства возникает от ощущения своей «безгрешности» в связи с отрицанием наличия у себя негативных черт, присущих людям другой нации.

Факт, что при ксенофобии проекция и отрицание являются центральными защитами, подтверждают и эмпирические исследования межэтнических конфликтов. Неоднократно описанный эффект «зеркального восприятия», когда члены двух конфликтующих групп приписывают себе одни и те же положительные черты и одинаковые отрицательные черты считают уделом противника, показывает эти механизмы в действии.<sup>4</sup>

Если от анализа ксенофобии перейти к анализу экстремизма и терроризма, следует заметить, что все террористические и экстремистские действия имеют ярко выраженную идеологическую составляющую. Именно это отличает их от обычных преступных действий, например ради наживы. Безусловно, как справедливо отмечают такие исследователи терроризма как Ю.М. Антонян, среди участников террористических актов есть и те, кто занимается этой деятельностью за плату, преследуя цели материального обогащения, но они не являются главными действующими лицами и не

---

<sup>4</sup> См.: Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для вузов. М., 2006.

составляют большинство. Сами террористические акты осуществляются ради какой-то идеи, провозглашаются актами борьбы за какие-то идеалы.<sup>5</sup>

У разных представителей террористического движения внутренняя представленность этих идей или идеалов может весьма различаться. Это могут быть типичные интроекты – не связанные друг с другом, а иногда и противоречащие друг другу отдельные внушенные постулаты, причем весьма примитивно сформулированные, но они подчас представляют собой и хорошо построенные логичные и обоснованные системы воззрений. Это зависит, скорее, от уровня интеллекта и образованности носителя данных идей или идеалов, но факт их наличия обязателен. Убежденный террорист считает себя борцом за идею, да по сути и является им. Именно идея определяет направленность личности, то есть задает доминирующую систему мотивов, по крайней мере осознаваемых.

Еще Эрих Фромм отмечал, что любой человек обладает своей собственной системой идеалов или смыслов и пытается выстраивать свою жизнь в большем или меньшем соответствии с ними. В своем труде «Иметь или быть» он пишет по этому поводу, что человек не может выбирать между тем, иметь или не иметь идеалы, – он является их носителем по определению, в его власти выбирать лишь, каким идеалам следовать<sup>6</sup>. В этом утверждении, конечно, содержится доля истины, но для обычного человека при несовпадении идеалов и действительности существует возможность как изменить действительность (в определенных пределах), так и скорректировать идеалы в плане их большей приближенности к реальности. Именно такую стратегию и выбирает большинство людей в своей жизни. Для террориста корректировка идеалов субъективно невозможна, изменена может быть только действительность.

Действия, осуществляемые в рамках террористической деятельности, могут быть различными по содержанию, но совершаются они для того, чтобы привлечь внимание и вызвать страх. Их можно рассматривать и как попытку демонстрации силы, но главной целью такой демонстрации также является желание вызвать страх. Поэтому насилие оказывается наиболее подходящим средством достижения этой цели.

Другая важная характеристика экстремизма и терроризма как деятельности – ее группоцентрический характер – заключается в том, что экстремистские и террористические акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников, представленных в сознании их исполнителей как «мы», и направлены против какой-то другой группы, представленной как «они». Даже когда террористический акт совершается одиночкой-смертником, он предполагает, что его действия станут известны единомышленникам и будут ими одобрены. Если это условие отсутствует и

---

<sup>5</sup> См.: Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антонына. М., 2008.

<sup>6</sup> См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1998.

человек не ориентируется на группу, то какими бы насильственными и угрожающими ни были его действия и какими бы идеями он при этом ни руководствовался, речь идет уже не об экстремистско-террористической деятельности, а о маниакально-бредовом поведении. При этом если оперировать терминами социальной психологии, группы, существующие в сознании террориста, – это условные группы, то есть состоят из людей, реально не взаимодействующих друг с другом.

Группа «мы», к которым экстремист или террорист себя причисляет, еще может быть реальной группой, но группа «они» практически всегда является условной. Типичный пример – выделение группы по национальному или религиозному признаку. Однако условность этих групп на бессознательном уровне отрицается. Попытки указать на факт условности группы обычно вызывают замешательство, затем сопротивление и актуализацию идеи «заговора» – человек пытается доказать, что люди, относимые им к одной группе, так или иначе взаимодействуют друг с другом, даже не встречаясь лично. Чаще всего выдвигается предположение, что существует некая могущественная фигура (или несколько фигур), которая и занимается негласной координацией их деятельности. Иногда эта фигура мыслится принадлежащей к властным структурам, иногда – противостоящей официальной власти, но приписываемые такой фигуре почти беспредельная могущественность и скрытность деятельности показывают, что с психологической точки зрения речь идет об архаичных страхах. Таким образом, можно видеть, что параноидный радикал, характерный для ксенофобии, присутствует и в личности экстремиста.

Обобщая все сказанное выше, можно выделить следующие отличительные особенности экстремизма как деятельности:

- мотивация, толкающая на ее выполнение, находится в области идеологии;
- конечным, или «идеальным», результатом этой деятельности представляется практически полная унифицированность человеческого сообщества в области морально-ценностных ориентаций;
- ближней целью действий, совершаемых в рамках этой деятельности, является устрашение;
- в качестве основного средства достижения и ближней, и конечной цели выступает насилие;
- эта деятельность носит группоцентрический характер.

Отталкиваясь от перечисленных особенностей экстремистской деятельности, можно определить психологические качества ее исполнителей, прямо вытекающие из характера этой деятельности:

- яркая приверженность какой-либо идеологии вплоть до фанатизма (национального, религиозного, политического);
- групповой (национальный, религиозный) нарциссизм – чувство превосходства собственной группы (национальной, религиозной, политической) и ее системы ценностей;

– групповая идентичность, преобладающая над эгоидентичностью (представление о себе в первую очередь базируется не на каких-то своих личностных особенностях, а определяется принадлежностью к какой-либо группе);

– жестокость и отсутствие сочувствия по отношению к жертвам;

– высокий уровень агрессии, при этом характер ее – ненаправленный либо переадресованный (агрессия направлена не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак (национальность), либо на случайных людей, либо применяется для привлечения внимания третьих лиц).

Как мы уже указывали, с нашей точки зрения, приверженность идеологии – это то, что отличает экстремизм от других видов преступного поведения. При этом вера в собственные идеалы настолько велика, что следование им становится более важным, чем сама жизнь. Какова же глубинная структура личности с идеологической направленностью? Видные современные теоретики психоанализа Х. Томэ и Х. Кэхеле пишут: «С точки зрения психоанализа у идеологии и нарциссизма общие корни»<sup>7</sup> и считают, что фанатичная приверженность какой-либо идеологии характерна для нарциссической личности.

В психоанализе под нарциссической понимается такая структура личности, где основные конфликты выстраиваются вокруг проблемы самопринятия и самоуважения, а основными психологическими защитами становятся идеализация и обесценивание.

Идеализация и обесценивание существуют в виде парной защиты, так как являются производными от механизма расщепления. Расщепление – это резкое разделение существующей реальности на «хорошую» и «плохую». Это также архаичная защита, весьма рано возникающая в онтогенезе. Она позволяет маленькому ребенку произвести первичное разделение хаотичной и недифференцированной для него внутренней и внешней реальности, выделив в ней положительные и негативные стороны. Примитивная идеализация как представление о существовании чего-либо или кого-либо бесконечно хорошего и могущественного необходима для противостояния переживанию отрицательных эмоций. Ребенку, переживающему чувство бесконечной «плохости» самого себя и/или реальности, нужен кто-то столь же бесконечно хороший – человек, который защитит от страха аннигиляции и поможет сохранить надежду. Идеализация рождает веру в существование человека, лишённого недостатков и способного решить все проблемы.

Идеализация вносит вклад и в иллюзии собственного величия, базирующиеся на отрицании своих негативных качеств.

Обесценивание является обратной стороной идеализации и будет проявляться в крайнем негативизме в отношении всего, что не соответствует идеализированному объекту. Любой «неидеальный» объект начинает

---

<sup>7</sup> Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. Т. 2. Практика. М., 1996.

восприниматься как бесконечно плохой и порождает чувство ненависти и стремление его уничтожить.

Будучи центральными защитами, идеализация и обесценивание порождают следующие характерные особенности нарциссической личности:

- обостренное чувство собственного достоинства, тщеславия и превосходства, периодически сменяющееся чувством полной личностной несостоятельности и истощающего стыда;

- нетерпимость к слабости, несовершенству, ошибкам и стремление осуждать других и себя;

- смутное, искаженное представление о своих личностных качествах, то есть размытая личная идентичность;

- резко поляризованная ригидная система оценок любых явлений, человеческих качеств или ценностей.

Если мы сравним перечисленные здесь особенности нарциссической личности и приведенные ранее личностные характеристики участников террористической и экстремистской деятельности, то увидим их практически полную идентичность. Безусловно, не всякая нарциссическая личность приходит к терроризму и экстремизму как преступной деятельности, но личности этих людей обязательно присущи нарциссические черты.

Другая характерная черта идеологии – пропаганда собственных идей как единственно верных – помогает нарциссической личности обосновывать идею собственного превосходства. Фактически по наличию этой черты нарциссический тип и получил свое название. В терминах психоанализа самовосприятие нарциссов и их отношение к себе базируются на грандиозных фантазиях о собственном величии. Становясь приверженцем какой-либо идеологии, нарциссический тип обретает аргументы для того, чтобы поддерживать обостренное чувство собственного достоинства и проявлять нетерпимость к недостаткам других.

Так как целью идеологии является превращение иллюзии в реальность, любая идеология прямо или косвенно проповедует необходимость переустройства реальности. В качестве обязательной категории в ней присутствует категория «врага», то есть человека, группы людей или некоей сущности (что характерно для религиозных верований, например сатана – враг рода человеческого в христианстве), которая препятствует желаемой перестройке реальности, так как не разделяет проповедуемые идеалы, а значит, представляет угрозу и для идеалов, и для их последователей. Поэтому любая идеология содержит явный или неявный призыв к агрессии против «врага» как главного препятствия к достижению этой цели.

Образ врага является одним из важнейших смысловых образований в сознании нарциссической личности. То же самое можно утверждать и относительно личности экстремиста. Основные отличительные особенности этого образа, по мнению Л. Гудкова<sup>8</sup>, следующие:

---

<sup>8</sup> Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. Образ врага. М., 2005. С. 7–80.

– это некто чужой, принципиально отличающийся по своему внутреннему устройству от индивида, а также от группы, к которой индивид себя причисляет;

– с врагом невозможны соглашения, так как он не принимает существующие нормы, а возможно только смертельное противоборство до уничтожения кого-либо из борющихся;

– враг никогда не представлен как конкретный партнер, фактически лишен личностных черт, в связи с чем его образ легко проецируется на любой более или менее подходящий объект;

– враг представляет собой угрозу не только для индивида, но и для группы, с которой индивид себя идентифицирует, а также для авторитетов и власти, выступающих в защиту индивида.

Все перечисленные характеристики врага выполняют важные психологические функции в структуре как экстремистской, так и нарциссической личности. Во-первых, они облегчают процессы групповой идентификации и идеализации. Л. Гудков подчеркивает, что враг отличается от просто «чужого» тем, что несет в себе смертельную угрозу существованию группы, с которой индивид себя идентифицирует. Главной психологической угрозой, содержащей образ врага для индивида, представлен ли он в качестве некой сущности, отдельного человека или группы людей, является его способность разрушить группу либо развенчать ее ценности, то есть лишить его возможности идентифицироваться с ней. Возможность идентифицироваться с группой чрезвычайно важна для нарциссической личности и вытекает из такой ее базовой особенности как спутанная идентичность.

Нарциссическая личность, как уже указывалось, имеет весьма смутные представления о собственных особенностях, при этом даже самые отчаянные нарциссы ощущают несоответствие собственного идеализированного образа реальности. Компенсировать размытые и противоречивые представления о собственном «Я» индивид пытается с помощью подмены личностной идентичности групповой, то есть за счет отождествления себя с какой-либо группой людей. В принципе, при размытой идентичности в качестве объекта для идентификации может быть выбрана любая группа (это хорошо видно на примерах подростковых групп или фанатов), но для нарциссической личности, обладающей идеологизированным сознанием и потребностью идеализировать собственные черты, в качестве такой группы наиболее вероятно будет выступать имеющая с индивидом общие «идеалы» либо какие-то общие характеристики, которые кажутся ему однозначными и неизменными, типа национальной принадлежности или вероисповедания. Часто в качестве объекта для идентификации выбирается даже не реальная группа, а некий идеализированный образ представителя собственной нации, учителя, духовного наставника, вождя. Такая групповая идентичность, так же как и вера в идеализированные фигуры лидеров, оказывается крайне эмоционально

---

заряженной, ибо является последним бастионом, защищающим идеализированный личностный образ от разрушения. В связи с этим какие-либо критические посягательства на группу, ее лидеров или ее ценности воспринимаются индивидом крайне болезненно, так как на бессознательном уровне он расценивает их как удары по своей и без того неустойчивой идентичности.

Вообще, нарциссическую личность можно представить как личность, основной смысл действий которой заключается в отчаянных попытках обеспечить себе основания для самопринятия и укрепить свое самоуважение, и групповая идентификация является одним из средств для этого. Поэтому страх лишения группы как объекта идентификации у нарциссической личности чрезвычайно интенсивен и заставляет ее доказывать свою преданность группе любыми способами, вплоть до самопожертвования.

Другая важная психологическая функция образа врага для нарциссической личности – это его способность выступать в качестве средства объединения и сплочения. Совместные действия против врага вынуждают группу сплотиться. Так как нарциссическая личность с трудом может выстраивать какие-либо близкие отношения с людьми, кроме противоборства, иметь с кем-то общего врага – для нее единственный способ пережить чувство единения с другими людьми.

Уничтожение врага, кроме уже перечисленных, имеет еще одну важную для нарциссической личности психологическую функцию, полностью неосознаваемую. Это желание, уничтожая других, устранить таким образом собственные недостатки. Как уже было сказано, нарциссическая личность обладает поляризованной системой ценностей, где различные человеческие качества и особенности становятся взаимоисключающими. Исходя из этой системы ценностей, индивид оценивает себя и других, проявляя при этом характерную нетерпимость и безжалостность к любым несоответствующим идеальным образцам. Следует подчеркнуть, что нетерпимость к собственному несовершенству является столь же характерной чертой нарциссической личности, как и нетерпимость к несовершенству другого.

Психологически более точно было бы сказать, что именно страх собственного несовершенства заставляет индивида так страстно ненавидеть его в других. Это объясняет ту беспощадность по отношению к другим людям, которую демонстрируют в своих действиях религиозные фанатики, революционеры или террористы. Невинные жертвы никогда не являются для них невинными – они виноваты в несоответствии идеалам. Допустить возможность их существования означало бы подвергнуть сомнению собственную идеальность и усомниться в однозначности собственных ценностей. Если же индивид лишится своих идеализированных представлений, произойдет актуализация архаичного травматичного опыта переживания собственной «плохости».

Таким образом, мы получаем ответ на вопрос, почему экстремист – революционер, национальный или религиозный фанатик – продолжает бороться, даже если видит тщетность своих усилий. Фактически он не может

не бороться, так как борется за интеграцию собственной личности. Уничтожение «врагов» является для него актом уничтожения несовершенства, что на бессознательном уровне, с одной стороны, поддерживает веру в возможность достижения совершенства, а с другой – воспринимается как уничтожение и собственного несовершенства индивида.

Борьба с собственным несовершенством порождает и другие характерные особенности нарциссической личности, легко просматриваемые, в том числе, в поведении экстремистов. Во-первых, это постоянное навязчивое стремление к самосовершенствованию, вплоть до самоистязания. Оно может принимать вид бесконечных молитв, актов служения, сопровождающихся физическими лишениями, испытаниями и т. п. Во-вторых, это презрение к физическому комфорту, боли, удовольствиям. Все эти особенности также могут быть объяснены действием травматичных переживаний стыда в детстве.

Так как первоначально переживание стыда возникает в ситуациях, связанных с усвоением норм культурного поведения при удовлетворении естественных потребностей, стыд оказывается тесно связанным с телесностью. Неосознанное желание уйти от стыда будет вызывать желание свести к минимуму проявления телесности и защитное отвергание любых чувственных удовольствий как «опасных», провокационных. На уровне поведения это может проявляться как безразличие к обычным ощущениям – вкусовым восприятиям, чувству тепла/холода, усталости, болезненности, с одной стороны, а с другой – в необходимости экстремальных ощущений на грани жизни и смерти, которые только и могут дать переживание продолжающейся жизни.

Проблемным является и отношение к самой жизни в целом. Жизнь, как чужая, так и своя собственная, обесценивается, наполовину сознательно, наполовину неосознанно. Сознательное ее обесценивание проявляется в том, что нарциссический индивид считает, что есть более важные вещи, чем жизнь, имея в виду все те же идеалы. И для него это действительно так, ибо, как уже указывалось, отказ от идеалов рождает чувство пустоты или распада личности, что субъективно переживается как та же самая смерть. Бессознательное обесценивание связано с тем, что собственно проживание жизни лишено приятности. Как справедливо замечает С. Джонсон, «счастье, по сути, является глубоко телесным переживанием»<sup>9</sup>. Бессознательный отказ от телесных переживаний означает одновременно и закрытие путей для переживания счастья как спокойной и длительной радости. Нарциссической личности счастье знакомо лишь как переживание кратких мгновений триумфа, возникающее в момент достижения каких-либо «высоких» целей. Но триумф не может длиться долго, и часто после него наступает опустошение, связанное с отсутствием цели. Она уже выполнена, поэтому жизнь в целом воспринимается как довольно безрадостное предприятие и сопровождается

---

<sup>9</sup> Джонсон С.М. Психотерапия характера. Практическое руководство. М., 2005.

готовностью пожертвовать ею в соответствии с логикой старого анекдота: «А для чего мне *такая* жизнь?»»

Жестокость, характерная для экстремистского поведения, объясняется также действием других психологических механизмов. Ей может способствовать такая характеристика образа врага как отсутствие конкретных личностных черт. Кроме того, может работать и крайне деструктивная защита, блокирующая переживания страха и вины и запускающая агрессивное поведение в ситуациях резкого человеческого противостояния и угрозы жизни, – так называемая идентификация с агрессором. Она более характерна для лиц с серьезными параноидными нарушениями, так как в основе ее возникновения лежит интенсивный страх наказания, неоднократно переживавшийся в детстве. Жестокое поведение по отношению к другому человеку становится необходимым, потому что на бессознательном уровне связывается с возможностью избежать страдания: страдание другого служит бессознательным подтверждением того, что в данный момент «страдает кто-то другой, а не я». В психоаналитических исследованиях жестокого поведения неоднократно показывалось, что оно является характерным для лиц, которые в детстве сами пережили жестокое обращение.

### **3.4. Механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму**

В психоанализе традиционно считается, что базисные особенности личности складываются в ранние детские годы. Параноидная и нарциссическая структуры личности возникают в результате сложностей на доэдипальных стадиях развития, при этом ксенофобия, связанная с параноидной структурой личности, скорее всего, формируется в результате застревания на оральной стадии, а экстремизм, связанный с нарциссической структурой личности, – на анальной.

С точки зрения концепции М. Кляйн<sup>10</sup>, ксенофобию можно понимать, как результат застревания индивида на стадии параноидной тревоги. Согласно данной теории, личностные особенности индивида в значительной степени будут определяться тем, защитные механизмы какой из двух стадий развития закрепились как доминирующие. М. Кляйн выделяет две такие стадии: стадию параноидной тревоги и стадию депрессивной тревоги, которые отличаются характером объектных отношений, то есть тех отношений, которые возникают у ребенка с объектами – другими людьми. Стадия параноидной тревоги, наступающая после рождения, характеризуется наличием чувства страха перед окружающим миром, агрессией и тревогой о собственном благополучии, которая возникает в связи с действием механизмов проекции и отрицания: собственная агрессия не осознается, отрицается и приписывается другим людям, начинающим восприниматься как источник угрозы. Стадия

---

<sup>10</sup> См.: Кляйн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб., 1997.

параноидной тревоги – первая в онтогенезе, поэтому дифференциация себя и внешнего мира у ребенка еще не полная, сохраняется спутанность собственного «Я» и объекта, то есть другого человека.

На стадии депрессивной тревоги тревога о собственном благополучии сменяется тревогой о благополучии других. Индивид становится способным осознавать собственную агрессивность и тот вред, который он может причинить другим людям, и центр его переживаний смещается с заботы о себе на заботу о других. В более поздних теоретических построениях, принадлежащих Д. Винникоту, термин «депрессивная тревога» был заменен термином «способность к заботе», что более точно передает психологическую сущность явления.

В норме индивид последовательно проходит эти две стадии развития, приобретая в итоге способность принимать собственную агрессивность, а также иные отрицательные качества, держать ее под контролем, испытывать теплое отношение к другим людям, невзирая на их недостатки, и заботиться о них. При нарушениях развития – застревании на стадии параноидной тревоги – у индивида формируется параноидно-шизоидная позиция. При этом у взрослого сохраняются такие ее характерные особенности как спутанность границ между собой и объектом, низкое осознание собственных качеств, склонность к архаичным защитам (проекция, отрицание, расщепление), высокая тревожность, которая может трансформироваться в самые разнообразные по содержанию страхи – закрытых или открытых пространств, сказочных персонажей, животных, других людей и т. п. Характерной чертой этих страхов является то, что они возникают не в результате каких-либо негативных воздействий на личность пугающего объекта, даже когда речь идет о таких, казалось бы, конкретных объектах как животные, а обусловлены динамикой эмоциональных процессов. Содержание страхов на протяжении жизни может меняться (например, в детстве страхи сказочных персонажей более распространены, во взрослом возрасте содержание страхов становится более рационализированным – иллюстрацией может служить ксенофобия).

Несмотря на все разнообразие их содержания, общей основой для них является страх смерти или несчастья, неизбежных в отсутствие хорошей «помогающей личности». Понимание пугающего смысла объекта оказывается возможным только, если трактовать его значение как символическое. При ксенофобии – это злой и могущественный «чужой», обладающий силой и властью, границы которых неизвестны и которые направлены против личности. Возможно, в связи с этим ксенофобия столь часто проявляется в отношении иных религиозных верований – присутствующее в них незнакомое божество на бессознательном уровне воспринимается как могущественное и отвергающее.

С точки зрения Э. Эриксона<sup>11</sup>, другого представителя психоанализа, ксенофобия и экстремизм могут рассматриваться как неблагоприятное

---

<sup>11</sup> См.: Эриксон Э. Детство и общество. М., 1996.

решения задач возраста на орально-вбирающей и мышечно-анальной стадиях развития. Его эпигенетическая концепция развития личности предполагает, что на каждой из стадий своего развития ребенок должен решить задачу возраста, которая заключается в формировании того или иного социально адаптивного качества.

Современный психоанализ одним из главных факторов, определяющих особенности формирующейся личностной структуры, считает специфику детско-родительских отношений. Различные течения внутри психоаналитического подхода несколько по-разному трактуют этот процесс, но значимость фигуры взрослого, воспитывающего ребенка на ранних этапах его жизни, не подвергается сомнению. В зависимости от отношений, которые такой взрослый выстраивает с ребенком, и формируются особенности эмоциональных переживаний и личностные качества последнего.

Нам представляется, что можно выделить несколько механизмов, обеспечивающих этот процесс, которые в реальности являются неразрывно переплетенными.

Во-первых, это интроекция, или интернализация, значимого положительного отношения, которое мать проявляет к ребенку (в отечественной психологии для описания подобного процесса используется термин «интериоризация»). Вторым механизмом является возникновение психологических защит, к которым ребенок прибегает для того, чтобы сделать свою эмоциональную жизнь благоприятной или хотя бы выносимой. Третий механизм можно условно назвать обозначением чувств. В запуске всех трех механизмов помогающей личности принадлежит решающая роль, которая хорошо видна при более подробном рассмотрении.

Как уже было сказано, действие всех перечисленных психологических механизмов разворачивается на ранних этапах онтогенеза. В это время у ребенка еще нет четкого различия внутренних и внешних переживаний, себя и другого объекта. Ребенок чувствует свою слитность с матерью и свою слитность с миром: если его потребности удовлетворены и ему комфортно, он считает, что мир вокруг него и он сам хорошие, а если испытывает нужду в чем-либо или дискомфорт, отождествляет себя и мир со своими негативными ощущениями. «В меру хорошая мать» (Д. Винникот) ведет себя так, чтобы основные потребности ребенка удовлетворялись, и он мог ощущать себя и мир вокруг как хорошие. Постепенно образ «хорошей матери» интроецируется и становится внутренней реальностью ребенка, благодаря чему у него появляются ресурсы для заботы о самом себе, как раньше это делала мать.

Ребенок начинает выделять себя из мира и чувствовать отдельной фигурой также благодаря поведению матери. Д. Винникот пишет по этому поводу, что для нормального развития ребенку необходимо, чтобы мать не старалась полностью посвятить себя ему и удовлетворить все его потребности. Определенная доля неудовольствия и дискомфорта будет способствовать началу различения себя и других, себя и внешнего мира. Она будет также способствовать тому, что через определенное время симбиоз матери и ребенка распадется, и последний сможет ощущать себя отдельным человеческим

существом со своими собственными желаниями и чувствами и со своим собственным отношением к другим. Если же мать чересчур фиксирована на ребенке или слишком тревожится о его благополучии и ведет себя так, что большинство потребностей малыша удовлетворяется практически сразу после их возникновения и практически никакие его желания не фрустрируются, формирование у него представления о мире и других людях как существующих независимо от него может затрудняться. Д. Винникот даже предполагает, что, если бы все потребности ребенка продолжали удовлетворяться, представление о том, что мать существует отдельно от него, могло бы не сформироваться.<sup>12</sup>

Однако другая крайность, которая может иметь место, когда большинство потребностей ребенка фрустрируется, приводит к тому, что хороший объект не может быть интернализирован: у малыша не формируется чувство собственной «хорошести» и доверия к миру. Это происходит при отвергающей матери, которая плохо относится к сыну или дочери, либо когда она не может удовлетворить эмоциональные потребности ребенка в силу нарушенности собственной личности (эмоциональные проблемы) либо низкого уровня развития.

Взрослый (ребенок), который не интроецировал хороший объект, легко поддается тревогам преследования и застревает, таким образом, на стадии параноидной тревоги.

Помогающая личность влияет также на формирование ведущих психологических защит. Психологические защиты (как следует из самого термина «защиты») возникают для того, чтобы защитить индивида от каких-либо неприятных переживаний, причем чем сильнее чувства, тем мощнее должна быть защита от них. Архаические защиты – проекция и отрицание – служат для избавления от сильных чувств агрессии, страха и стыда, которые, по данным С. Томкинса<sup>13</sup> (цит. по Н. Мак-Вильямс), являются наиболее характерными для параноидной личности.

Параноидная структура личности, как показывает клиническая практика, формируется в условиях жесткой критики и унижений ребенка, а также наказаний, зависящих от каприза взрослого. Часто подобное отношение к ребенку проистекает из желания матери и отца «искоренить пороки», «воспитать настоящего мужчину» и тому подобных попыток сделать из него лучшего представителя человечества, то есть когда родители сами не в силах принять человеческую природу со всеми ее ограничениями. Это заставляет ребенка относиться к своим недостаткам, реальным или мнимым, как к чему-то непереносимо ужасному, с существованием чего невозможно смириться, поэтому он вынужден отрицать их и проецировать вовне –

---

<sup>12</sup> См.: Винникот Д.В. Разговор с родителями. М., 1995.

<sup>13</sup> См.: Мак-Вильямс Н. Указ. соч.

приписывать другим людям. Внутренняя и внешняя реальность продолжает сохраняться для него разделенной на «хорошую» и «ужасную».

Третий механизм, который мы условно назвали обозначением чувств, может быть описан следующим образом. Первоначально возникающее в сознании маленького ребенка разделение реальности на «идеальную» и «ужасную» чрезвычайно важно для его развития. Это позволяет ему отделить друг от друга приятные и неприятные чувства, рассортировать их и впоследствии обозначить словом. Для того чтобы этот процесс протекал нормально, необходимо участливое и заинтересованное отношение помогающей личности к чувствам ребенка. Родительская способность понимать смутные ощущения малыша, давать им названия и связывать с тем, что имеет смысл, позволяет ребенку навести порядок в первоначально бессловесном хаосе чувств. Когда мать обозначает словом ощущения малыша («больно», «страшно»), она тем самым сообщает ему, что знает, что с ним происходит, и передает свою уверенность в том, что это можно пережить. Если чувства правильно идентифицированы и названы, они перестают быть смутными и безграничными и становятся управляемыми.

Если же мать плохо справляется с собственными отрицательными чувствами, они пугают ее, она будет стараться отрицать их у себя и у ребенка, делать вид, что их не существует, нарушая тем самым восприятие последним реальности и не давая ему возможности понять, что с ним реально происходит. Одним из результатов станет постоянное сомнение ребенка, а затем взрослого в том, правильно ли он понимает реальность, чувства и намерения других людей и самого себя. Именно эти сомнения в правильности понимания происходящего и рождают подозрительность и недоверие параноидной личности и ее настороженное отношение к другим людям.

Разделение реальности на бесконечно хорошую и бесконечно плохую формирует полярный тип мышления по принципу «черное либо белое», элементы которого сохраняются и у взрослого человека. Производными этого типа мышления являются дихотомии «свой – чужой», «друг – враг» и суждения вроде «кто не с нами, тот против нас», исключающие признание существования каких-либо промежуточных вариантов. Подобные суждения служат для ксенофоба логическим основанием его выводов о «плохости» и враждебности людей иной национальности и иной культуры.

Склонность к экстремистскому и террористическому поведению, как уже указывалось, базируется на нарциссической личностной структуре. Наиболее вероятно нарциссизм формируется на анальной стадии развития, прохождение которой характеризуется фантазиями ребенка о своем всемогуществе и величии, переживаниями стыда и чувства собственной ничтожности, выраженным присутствием агрессии и упрямства. При благоприятном протекании этой стадии все перечисленные особенности сглаживаются, а неблагоприятный вариант заключается в их чрезмерном заострении и формировании на их основе различных деструктивных личностных особенностей, в том числе выраженного нарциссизма.

Итак, если рассматривать ксенофобию как проявление параноидно-шизоидной позиции или базового недоверия к миру, характерными чертами ксенофобов будут высокий уровень тревожности, высокая агрессивность, спутанность собственных границ, преобладание архаических защит по типу проекции и отрицания, ригидность и полярность в мышлении.

Анальная стадия является вторым периодом онтогенеза и следует за оральной, для которой характерен симбиоз младенца с матерью. На анальной стадии ребенок в гораздо большей степени, чем в младенчестве, подвергается воспитательным воздействиям, так как перед ним стоит задача освоения принятых в его культуре способов удовлетворения естественных потребностей (отсюда название стадии) и образцов отношений с социумом. Ситуации приучения ребенка к существующим в данном обществе традициям предстают для него ситуациями, когда взрослые заставляют делать то, что он не умеет или не хочет, либо не позволяют ему делать то, что он хочет, поэтому этот период можно рассматривать как стадию противостояния воли ребенка и воли взрослого. Ребенок, как пишет Э. Эриксон, начинает пробовать границы собственных возможностей. При этом он переоценивает свои силы, основываясь на фантазиях о собственном всемогуществе, и переживает стыд и агрессию, когда они фрустрируются в результате его собственного неумения или порицания со стороны взрослого. Однако значение имеют не столько сами по себе неудачи ребенка, сколько та социальная оценка, которую они получают, поэтому успешность прохождения анальной фазы зависит от умения взрослых из ближайшего окружения поддержать у малыша чувство умелости, которое смягчает как стыд, так и фантазии о всемогуществе.<sup>14</sup>

Если родителям это удастся, у ребенка формируется такое личностное качество как автономия. Автономия, по сравнению с симбиозом с матерью, позволяет ребенку почувствовать себя отдельным индивидом, «самому себе принадлежащей персоной» с собственной волей и желаниями. Из этого ощущения рождается понимание, что другие люди, в свою очередь, существуют отдельно от него и тоже имеют право на свои собственные желания. Фактически, благодаря собственной автономии появляется признание автономии другого. Поэтому, с точки зрения Э. Эриксона, именно на этой стадии закладываются основы таких фундаментальных принципов сознания как «закон» и «порядок». Психологически, закон и законопослушание есть не что иное, как готовность уважать существующие договоренности, то есть признавать права других людей удовлетворять свои собственные желания, отличающиеся от желаний индивида. Это позволяет индивиду в дальнейшем легко и без внутреннего сопротивления принимать существование некоторых правил, которым необходимо следовать, и безболезненно смиряться с разумными ограничениями, от кого бы они ни исходили: физической среды, социума или возможностей собственного

---

<sup>14</sup> См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1998.

организма. Можно говорить, что автономия рождает признание и принятие отличий.

Неблагоприятные варианты родительского поведения проявляются в виде чрезмерного захваливания или балования ребенка и слишком жесткого контроля и осуждения. Захваливание и балование подкрепляют неадекватные фантазии ребенка о собственном всемогуществе и провоцируют чувства тщеславия, свой исключительности и превосходства. Это приводит к снижению способности переносить фрустрации и легкому возникновению агрессии в ситуациях неудач или неодобрения. Таким образом, этот вариант родительского поведения прямо стимулирует формирование нарциссических черт. Однако слишком жесткий социальный контроль и осуждение, когда любое поведение ребенка, не соответствующее «нормам», пресекается и его постоянно стыдят, приводят к еще более выраженному нарциссическому радикалу. Безусловно, способность испытывать чувство стыда является необходимой для жизни в обществе, и человека, никогда не стыдящегося, вряд ли можно назвать успешно социализировавшимся. С другой стороны, слишком частое и интенсивное его переживание крайне негативно сказывается на развитии личности.

По содержанию стыд представляет собой переживание собственной малости, «плохости» или ущербности по сравнению с другим, поэтому рождает бурный протест в виде ярости, направленной на этого другого, и желание его уничтожить. Стыд рано возникает в онтогенезе и имеет все черты, характерные для архаичных эмоций: является диффузным, тотальным и вневременным переживанием, то есть плохо рефлексировано и вербализуется, обладает большой энергетикой и способен сильно нарушать поведение индивида.

Интенсивное переживание стыда, как и любой другой сильной негативной эмоции, вызывает действие психологических защит. Неокрепшее «Я» не может интегрировать опыт собственной «плохости» в структуру личности ввиду его чрезвычайной травматичности, поэтому происходит расщепление опыта – он распадается на элементы, которые подвергаются действию механизмов отрицания или идеализации. Действие отрицания проявляется в том, что индивид становится неспособным признавать у себя наличие негативных качеств и проецирует их на других людей. Идеализация, существующая в паре с обесцениваем, представляет собой приписывание чрезвычайной ценности каким-либо явлениям или качествам с одновременным отказом от признания ценности всего, не совпадающего с идеалом. При нормальном эмоциональном развитии потребность в идеализации через некоторое время пропадает и заменяется более естественной человеческой любовью, которая предполагает признание и принятие недостатков и слабостей другого человека.

У нарциссической личности расщепление нарушает как самовосприятие, так и восприятие других людей и взаимоотношения с ними. В отношении самого себя у такого человека идеализация проявляется в завышенной оценке собственных особенностей, преувеличении ценности и

значимости всего, с чем он имеет дело или в чем участвует. В отношении других людей она рождает веру в существование человека бесконечно хорошего и могущественного, лишенного недостатков и способного решить все проблемы. Идеализация толкает взрослых людей на поиски кумиров, учителей, гуру и тому подобных особ, которым они приписывают качества, в реальности не существующие. Именно она рождает слепую преданность и фанатичную веру в вождей, характерную для экстремистов и террористов. Идеализация может также способствовать уходу в мир фантазий и иллюзий, так как несоответствие реального мира и его идеализированного образа с течением времени становится все труднее игнорировать. На этой основе выстраиваются утопичные системы общественного переустройства и начинается борьба за реализацию их в действительности.

Оборотной стороной идеализации является крайний негативизм в отношении всего, что не соответствует идеализированному объекту. В итоге идеализация приводит к снижению самооценки, так как, обладая жесткой системой нереалистичных требований к себе, индивид никогда не оказывается «достаточно хорошим» для самого себя.

Расщепление ведет к характерным изменениям и в когнитивной сфере. Меняется стиль мышления: суждения становятся полярными, появляется склонность к крайним точкам зрения, дихотомическому делению всех явлений на противоположные. Различные качества воспринимаются как взаимоисключающие. Появляется жесткая внутренняя система правил, на основании которых выстраиваются гипотезы о «должном», «необходимом» устройстве мира. В дальнейшем выводы о каких-либо явлениях начинают делаться не на основании сопоставления фактов, а на основании их соответствия гипотетической конструкции мира. Мышление такого типа можно назвать идеологизированным.

Эти особенности формируют такое качество как ригидность. Оно заключается в невозможности гибко реагировать на изменение окружающих условий и менять в соответствии с ними свои когнитивные схемы и поведение. Именно поэтому личность, склонная к экстремизму и терроризму, будет стараться всеми силами изменить окружающую действительность, а не свой субъективный мир.

Искажающее действие защит приводит к двум серьезным негативным последствиям:

- у индивида в дальнейшем формируется смутное, размытое представление о собственной личности, так называемая спутанная идентичность;

- у индивида формируется жестко поляризованная система оценок и ценностей, в дальнейшем приводящая к крайне идеологизированному сознанию.

Вокруг этих двух базовых особенностей и выстраиваются все остальные ранее перечисленные черты нарциссической личности, в том числе те, которые характерны для личности экстремиста и террориста.

Подводя итоги, можно сказать, что и параноидная, и нарциссическая структура личности формируется тогда, когда у маленького ребенка нет возможности регулярно переживать чувство доверия к миру и чувство собственной «хорошести». Это происходит в случае, если большинство его потребностей фрустрируется, не удовлетворяется. Наиболее велика вероятность, что этому будут способствовать два типа ситуаций развития.

Первый тип ситуаций возможен в семьях с низким социальным статусом и низким уровнем образования. Именно в такой семье вероятнее всего наличие «недостаточно хорошей матери», которая не может удовлетворить эмоциональные потребности ребенка в силу собственных эмоциональных проблем или низкого уровня эмоционального развития. Например, эмоциональные проблемы матери могут заключаться в том, что она сама ощущает себя «плохой» такое часто происходит в семьях, где отец ребенка относится к ней с пренебрежением, или в культуре, где существует отношение к женщине как к малоценному объекту. Потребности ребенка могут излишне фрустрироваться также в случаях, когда мать не в состоянии обеспечить ему защиту от сильных неблагоприятных внешних воздействий – тяжелая болезнь, плохие условия жизни (голод) и т. п. Таким образом, можно сделать вывод, что ксенофобия с большей вероятностью может формироваться у людей, в детстве принадлежавших к малообеспеченным и низкокультурным слоям общества либо к социальным или национальным меньшинствам. Интенсивное переживание стыда ребенком возможно не только при неблагоприятных детско-родительских отношениях, но и в случаях неприятия его социумом или детским сообществом, что опять-таки чаще всего имеет место по отношению к представителям национальных меньшинств.

Другой тип ситуаций, в каком-то смысле противоположный первому, возможен во вполне благополучной семье. Родители, занимающие достаточно высокое социальное положение, могут предъявлять слишком жесткие требования к формирующейся личности, искренне считая, что заботятся о благе ребенка. Напряженное ожидание того, что он станет достойным представителем своей семьи, своего класса или своей нации, и резкое порицание в связи с этим любых его ошибок или «несоответствий» желанному образу будут фрустрировать потребность ребенка в принятии, блокировать его спонтанность, закрывая тем самым возможности удовлетворения потребности в самоидентификации и саморазвитии.

Неблагоприятные варианты родительского поведения, благодаря которым формируется параноидная или нарциссическая личность, чаще всего появляются в условиях, когда отец и мать сами очень сильно зависят от оценок окружающих и воспринимают растущего ребенка как подтверждение своей собственной социальной состоятельности. Это особенно характерно для замкнутых и относительно малочисленных социальных групп, таких как элита общества, либо, напротив, национальные меньшинства.

Исходя из подобного понимания ксенофобии, можно предположить, что ксенофобам, в частности, должна быть присуща повышенная тревожность. Психологические защиты – проецирование и отрицание – достаточно сильно

искажают восприятие реальности и приводят к спутанности границ между «Я» и объектом. Их результатом являются плохое различение собственных чувств, амбивалентность, а также недостаточная способность к пониманию личностных особенностей, как своих собственных, так и других людей. Это может проявляться в неадекватной самооценке – заниженной либо компенсаторно-завышенной и противоречивом восприятии других.

### **3.5. Архетип «чужой» и его криминогенная роль**

Попытаемся понять отдельные виды преступности с архетипических позиций. Прежде всего обратимся к очень яркой архетипической фигуре – к «чужому». «Чужой» – это прообраз, который сопровождает человечество с доисторических времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными мистическими силами, его следовало опасаться, как и убийц, воинов, убивших врагов, женщин во время менструации и после родов, лиц, находящихся в трауре, и т. д. «Чужой» выступал в качестве некоего психологического представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех пор он неотвязно преследует людей в разных формах и разных ситуациях, но всегда олицетворяя угрозу, разрушение и даже смерть. Очень возможно, что на заре развития человеческой психики «чужой» был совершенно необходим: он заставлял думать и переживать. «Чужой» – это человек другой страны, другого рода, нации, языка, религии, расы, иных убеждений, обычаев и традиций. Иными словами, «чужой» – это представитель другой культуры.

Для древних людей, как и для многих современных, своя территория воспринималась (и воспринимается!) не просто как ландшафт, дома, улицы, люди «моей» культуры и т. д., но и как нечто, хранящее духовные ценности, символы и смыслы, без которых существование невыносимо. Человек здесь ощущает свое как бы мистическое слияние со своей землей.

«Чужой» существует потому, что есть «свой», «свои», «мы». Принадлежность к «мы», то есть к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции. Ощущение принадлежности к ней в индивидуальном и групповом сознании обычно латентно, но в кризисные периоды активизируется. Виртуальные «мы» и «чужие» есть реальная жизнь людей, многие из которых теряют самоидентичность из-за экзистенциальные слияния с группой, ее символами и мифами, мифологизированными представлениями о времени, обществе, истории и т. д.

Архетип «чужого» и порождаемая им ксенофобия не исключение из правил, а всеобщая закономерность. История религий, культур, отдельных стран, войн – это история разделения на «своих» и «чужих», это не только постоянный страх перед «чужими», но и неугасающая убежденность в том, что «они» хуже (коварные, глупые, бездарные, трусливые и т. д.), чем «мы», что то, чем «они» владеют, не должно, по справедливости, принадлежать «им», «они» завладели этим с помощью обмана или грубой силой, по

недоразумению или невероятному стечению обстоятельств. Владения «чужого» вызывали зависть и ревность, а иногда страх и ощущение опасности.

«Чужое» – это система таинственных и непонятных, а поэтому пугающих знаков, это система мифов, обычаев и традиций, в корне отличающихся от «нашей» в первую очередь тем, что они представляют собой сплошную череду нелепостей. Ксенофобические же установки порождаются не только страхами перед другими, но и ленью, вялостью ума, интеллектуальной и эмоциональной ограниченностью людей, не желающих выходить за пределы привычных стандартов и коллективистских норм, которые представляют собой пережитки общинной психологии. Поэтому можно утверждать, что ксенофобия является мощным источником идеологии и психологии толпы, то есть массового сознания, этого главного хранителя архетипа «чужого». Вместе с тем названные стандарты и нормы являются фактором, обеспечивающим цельность, единство со своей средой, что всегда остро необходимо человеку толпы. Он с радостью отдает этому единству самого себя, в том числе свою свободу, лишь бы избавиться от невыносимых нами принятия решений и ответственности.

Как каждому животному, толпе нужна добыча, и ею очень часто становится «чужой», выделяемый по любому признаку его непохожести на толпу и ее человеческие единицы – расовому, политическому, национальному, сексуальной ориентации и т. д. Толпу невозможно убедить, что «чужой» ни в чем не виновен, поскольку она в этом не нуждается, ей нужны не доказательства, а жертва. Из-за неспособности думать толпа проецирует извне свои образы – идеи. Она принимает за реальные факты то, что на самом деле является продуктом ее желаний и фантазий, слухов и внушений. Толпа очень легко может уверить себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной социальной либо религиозной группы, она приписывает ей ритуальные убийства, обманы, изнасилования и другие преступления, раздувает слухи и пускается в погромы и убийства. Если власть, опирающаяся на толпу, принимает недемократические или антигуманные решения, она может быть уверена в их поддержке толпой.

Особое отношение к «чужому» заложено в человеческой природе: именно по этой причине маленькие дети боятся новых лиц. При этом имеющиеся наблюдения показывают, что если ребенок ощущает эмоциональную близость с матерью, ее защиту, то страхи перед «чужими» встречаются реже и они не столь глубоки и длительны. Детские страхи перед чужими людьми – это диффузное, спонтанное, имманентное предчувствие опасности, восприятие нарушения кем-то границ знакомого и пока еще скрытая возможность предвидения будущего на фоне несформировавшегося «Я». У ребенка в таких ситуациях расширяется горизонт, он постепенно начинает понимать, что мир состоит не только из мамы, папы и бабушки и т. д. В этот период очень велика роль матери как связующего звена между ребенком и окружающим миром. Она своим эмоциональным и телесным общением с сыном или дочерью должна дать понять, что они могут доверять ей и миру, а также самим себе. Только нравственно и психически здоровая семья может

обеспечить ребенку через мать уверенность в том, что внешний мир не состоит из одних опасностей, что малыш составляет с ним единое целое.

В массовом сознании противостояние «мы» и «они» часто дополняется верой в существование абсолютной правды. Ею обладает, конечно, только «наша» религия, нация, система, партия и т. д., убеждения и взгляды всех остальных – заблуждения и ошибки, иногда злонамеренные. Эта вера определяет, в частности, мессианизм российской политической культуры и такое специфическое явление этой культуры как соборность, отмечает Т.В. Евгеньева. Соборность как мистическое единство противостоит понятию демократии, но в соборности невозможно существование иного мнения, позиции меньшинства. Любой выпадающий из общности автоматически становится носителем ложных идей, частью враждебного «чужого». На наш взгляд, соборность тесно связана с общинной идеологией и психологией, более того, она, скорее всего, порождается ими, являясь характерной особенностью российского общества.

Криминологический интерес «чужой» представляет по той причине, что отношение к нему лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер, многих убийств и иных насильственных действий, субъективный смысл которых может заключаться в защите от другого. Архетип «чужого» мотивирует преступления ненависти на расовой, национальной, религиозной или социальной почве, число которых в России достаточно велико. Восприятие другого как «чужого» активно питает военные преступления против мирного населения и военнопленных, а также может объяснить жестокость в отношении представителей иных наций и религий, пренебрежительное отношение к их правам и интересам. Корыстные имущественные посягательства на них тоже способны быть следствием того, что они «чужие».

Как убедительно писал Г. Адлер, современному человеку в первую очередь необходимо осознать все зло, заключенное в нем самом: свою «темную», неполноценную личность, свою тень. Эту сторону слишком часто и чересчур легко обнаруживали в другом человеке и проецировали на него, что составляло один из способов удовлетворения известной потребности найти оправдания своих собственных недостатков. В результате этого мы разделили мир на «хороших» и «плохих», высшие и низшие народы, расы или индивиды со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями<sup>15</sup>. Такими катастрофами стали нацистские и большевистские практики уничтожения «чужих».

В условиях экономического и социального кризиса этот опаснейший «чужой» начинает заявлять о себе во весь голос. Гитлеровская Германия и большевистский СССР были окружены плотной стеной страшных и неумолимых «врагов», которых, естественно, следовало уничтожить.

---

<sup>15</sup> См.: Адлер Г. Предисловие // Глубинная психология и новая этика. СПб., 1999. С. 7–8.

В СССР словосочетание «враг народа» многие годы было столь же обычным и привычным, как впоследствии «пятилетка качества» или «великие стройки коммунизма». Конечно, «врагом народа» мог быть только «чужой». Его влияние на общественную жизнь и даже развитие экономики, по представлению советской пропаганды, было огромным. Для германских нацистов «чужими» были евреи, цыгане, славяне, а также западные демократии.

Вообще очень просто и эффективно считать других причинами своих промахов и неудач, своей лени и безынициативности, своей необразованности и бестолковости. Если кто-то в чем-то нуждается, но не может удовлетворить свои потребности, значит, виноваты представители известной нации или приверженцы определенной религии, которые захватили все богатства в свои руки; если нет работы, то, разумеется, по той причине, что ее дают только приезжим; если проигрывается сражение, то не потому, что бездарны военачальники и армия плохо вооружена, а из-за шпионов и предателей и т. д.

Таким образом, мы видим, что корни ксенофобии, убийств и иной жестокой агрессии на почве национальной, религиозной или социальной вражды и ненависти носят архетипический характер.

В качестве «чужого» может выступить и «свой», но вышедший за ролевые рамки, предписанные данной культурой. В качестве «чужого» можно рассматривать и так называемого маргинала, если под маргинальной личностью понимать такую, которая хотя и стоит на грани двух культур, все же больше тяготеет к «другой». Архетип «чужого» отмечает внешние границы «своих», причем эти границы подчас очень жесткие, недоступные для чужаков. Барьерами могут быть расовые, этнические, религиозные, социальные и иные нормы, в качестве которых способны выступить предрассудки и даже суеверия.

### **Контрольные вопросы к теме**

1. Каким образом экстремист удовлетворяют свою потребность в положительных эмоциях?
2. Какие четыре основных чувства можно выделить в системе чувств религиозного экстремиста?
3. Может ли экстремистский теоретик-пророк испытывать сильные эмоциональные чувства? Обоснуйте свой ответ.
4. Дайте определение внешней и внутренней агрессии.
5. Что является главным объектом экстремистской религиозно-политической агрессии и доминирующим мотивом религиозно-политического поведения экстремиста?
6. Перечислите особенности экстремистского религиозно-политического поведения.

### **Литература**

1. Лебедев В.Ю., Викторov В.Ю. Религиоведение. Москва. 2011.

2. Сабитов Р.А. Расследование преступлений экстремистской направленности: методика и квалификация. Челябинск. 2010.
3. Клейменов. И.М. Религиозный экстремизм. Москва. 2008.
4. Ханбабаев К.М., Якубов М. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала. 2008.
5. Дробижева Л.М. Мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды при совершении убийства. Москва. 2008.
6. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Москва. 2007.
7. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. Москва. 2007.
8. Самсонов С.И. Россия – многоконфессиональное государство. Саратов. 2007.